

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БЛОНСКИЙ

В ПОИСКАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
НОВОЙ ШКОЛЫ
(1884 – 1941)

П.П. Блонский родился в 1884 г. в Киеве. Он сохранил самые теплые воспоминания о своем детстве, связанные с тем ощущением любви и защиты, которое определяло атмосферу в семье. Этот детский опыт впоследствии привел его к убеждению в том, что именно семья, нравственный пример родителей играют первостепенную роль в развитии личности ребенка. С раннего детства у него появилась и мысль о том, что, ругая ребенка за неправильное поведение, за недостатки, можно только укрепить их, но никак не преодолеть. Эта уверенность в неэффективности критики позже реализовалась в его педагогической практике. Он часто рассказывал студентам о том, что редко ставил плохие отметки своим ученикам во времена своей преподавательской деятельности в гимназиях. Он также всегда предупреждал, кого из учеников он спросит на следующем уроке и по какому вопросу. На удивленные вопросы студентов, должны ли ребята заранее знать, какой материал им придется отвечать, ведь они же подготовят ответ дома, Блонский отвечал, что именно в этом и состояла его цель. Стремясь получить хорошую отметку, ученик выучит тот отрывок, который он должен ответить, и таким образом постепенно привыкнет хорошо готовиться к урокам. Если же ему ставить постоянно плохие оценки, он к ним привыкнет и станет плохо готовиться к занятиям, уверенный в том, что хорошо учиться он все равно не сможет.

Хотя семья и не нуждалась, однако особого достатка в доме не было, и Блонский с ранних лет видел, как экономно тратят родители деньги, считая каждую копейку. Вспоминая впоследствии это время, он подчеркивал, что этот детский опыт привел к формированию одной странной черты его характера, так как, относясь равнодушно к деньгам и часто не зная, сколько рублей у него осталось, он всегда четко знал, сколько копеек у него в кармане, привыкнув считать именно копейки.

С раннего детства он полюбил книги, которые погружали его в другой мир, загадочный и манящий. Способности Блонского сделали его одним из лучших учеников в гимназии, несмотря на то что он часто болел, особенно в младших классах. Интерес к учебе и желание получить более фундаментальные знания привели его в Киевский университет Св. Владимира. В 1902 г. он поступил на историко-филологический факультет университета, который закончил в 1907 г., получив золотую медаль за свое сочинение «Проблема реальности у Беркли». Именно к этому факультету была приписана кафедра философии и психологии, на которой начинал свою научную деятельность Блонский. Наибольшее влияние на него оказали лекции профессоров философии А.Н. Гилярова и Г.И. Челпанова. Под влиянием Гилярова он увлекся древнегреческой и римской философией, особенно теорией Платона, который стал его любимым философом. Анализ его взгля-

дов была посвящена незаконченная магистерская диссертация Блонского, а высказывания Плотина он любил приводить на своих лекциях и в последние годы жизни.

Не меньшее значение в его судьбе сыграло и знакомство с Челпановым, работа под его руководством в психологическом семинаре. Впоследствии Блонский вспоминал, что именно у него он не только учился читать лекции, но и понял, что самое главное в педагогической работе — это суметь организовать работу учащихся. Однако Челпанов сыграл значительную роль не только в формировании Блонского-педагога, но и в его личной жизни, так как способствовал его переезду из Киева в Москву, где он стал аспирантом Челпанова в Московском университете. Уже в зрелые годы Блонский писал о том, что, несмотря на то что он причинял своему учителю много хлопот и был «чем-то вроде блудного сына», тот не раз выручал его из самых затруднительных положений, в которых без помощи Челпанова ему пришлось бы очень плохо. За это доброе отношение и участие Блонский был ему навсегда благодарен, хотя впоследствии они окончательно разошлись, прежде всего по политическим мотивам. Блонский, настаивавший на том, что психология должна быть перестроена на основе марксизма, считал справедливым увольнение Челпанова из им же созданного Психологического института.

Первые годы жизни в Москве были для Блонского очень трудными, прежде всего в материальном отношении, так как он не мог рассчитывать на помощь родителей. Поэтому наряду с работой над магистерской диссертацией и посещениями (достаточно редкими и нерегулярными) заседаний Московского психологического общества он начинает свою педагогическую деятельность. Переход от «чистой науки» к практической деятельности в качестве преподавателя был в достаточной степени вынужденным, но эта деятельность давала необходимые средства к существованию, причем наряду с психологией ему приходилось

вести и занятия по педагогике. По рекомендациям знакомых он получает уроки в нескольких московских гимназиях и в Елизаветинском институте. Сдав в 1913 г. магистерские экзамены, он становится приват-доцентом Московского университета, в это же время начинает работу в университете им. Шанявского, в котором были открыты педагогические курсы.

Необходимость вести занятия по педагогике поставила перед Блонским задачу сформировать собственную программу курса. Так как эта дисциплина для него была фактически новой (он не слушал этого курса в Киевском университете), то естественно, что в этот курс он включал элементы психологии и философии, стараясь преподнести эти знания в доступной для учащихся форме. Большую роль сыграл и его ораторский талант, его умение донести основные положения до слушателей, зажечь их. Пригодился и его революционный опыт, особенно просветительская деятельность в рабочих кружках Киева. Его лекции становятся очень популярными среди учащихся, следуют новые приглашения как в гимназии, так и на летние учительские курсы. Эта работа свела Блонского с новыми людьми, земскими педагогами, бескорыстно преданными своему делу. Стремление помочь им в их нелегкой деятельности стимулировало поиск оригинальных педагогических идей, путей построения новой школы. Именно эти вопросы станут важнейшими для Блонского через несколько лет, в первые послереволюционные годы. Так постепенно из занятий, которые начинались только для приработка, выросал новый интерес, определивший деятельность ученого в последующее время. Этот интерес сфокусировал воедино все прежние стремления и занятия Блонского — и революционной деятельностью, и философией, и психологией. Для построения новой школы, реорганизации учебных программ, разработки новых методов обучения детей необходимы были не только педагогические, но и психологические и философские знания, а сама эта работа рассматри-

Городской народный университет
им. А.Л. Шанявского на Миусской площади

валась Блонским как продолжение его прежней агитационной, просветительской работы, так как формирование новой школы являлось, с его точки зрения, основой развития нового общества.

В этот период (1912–1916) появляются и первые статьи Блонского в печати. Неудовлетворенность деятельностью Московского психологического общества и содержанием журнала «Вопросы философии и психологии», который он считал оторванным от реальной действительности, схоластическим и ориентированным преимущественно на идеалистическую и религиозную философию и психологию, привела его к сотрудничеству как с педагогической, так и с публицистической прессой. Его статьи появляются в журналах «Вестник просвещения» и «Вестник воспитания», в других периодических изданиях. Его работы «Задачи и методы народной школы», «К методике преподавания педагогики», «О нацио-

нальном воспитании» сделали его имя известным и популярным в среде учительства. Блонского выбирают председателем московского педагогического кружка, приглашают с лекциями в Петербург.

Октябрьскую революцию Блонский принимает сразу и безоговорочно, считая, что она открывает дорогу в новое, справедливое общество, которое даст всем равные возможности для проявления способностей и талантов, которые не могли реализоваться в прежней России. В статьях «Школа и рабочий класс», «Школа и общественный строй» он доказывал, что старая школа была классовой, она давала возможность роста только детям из обеспеченных слоев, закрывая пути развития рабочим. Поэтому, писал Блонский, необходимо организовать новые народные школы с новыми программами и методами обучения. Его выступления против бойкота, организованного учителями, отказавшимися работать в новой школе, привели его в

конце 1917 г. к разрыву с многими прежними знакомыми. Он был вынужден выйти из Союза деятелей средней школы и редакции журнала «Новая школа». Вспоминая это время, Блонский писал, что «лишенный всех мест, без определенной перспективы заработка... я был полон энтузиазма и не сомневался в осуществлении новой школы».

Эти ожидания оправдались, скоро появились и новая работа, и новые знакомые, поддерживавшие его в стремлении к реформе школы. Он выступает с лекциями и докладами, организывает трудовые школы, печатает статьи, посвященные этой проблеме.

Осенью 1919 г. он получает возможность не только оказывать влияние на разработку новых программ и методов для трудовой школы, но и реализовать свои планы относительно подготовки учителей для этой новой школы, так как ему предложили создать Московскую академию народного образования. П.П. Блонский исходил из того, что эта академия не должна копировать старые педагогические вузы, ее необходимо строить на системной основе с тем, чтобы студенты не только специализировались в выбранной профессии, но и повышали свой культурный уровень, получая современные знания об искусстве, технике, политике. Поэтому кроме курсов специальных предметов (педагогика, психология, физиология), в академии были введены техникумы и студии, в которых студенты не только приобретали теоретические знания об искусстве и технике, но и сами занимались ручным трудом по дереву и металлу и художественной деятельностью (музыкой, живописью, литературой). Блонский и сам нередко включался в эту деятельность вместе со студентами, а в его домашнем кабинете был отгорожен специальный угол для слесарной мастерской. Большое внимание он уделял и формированию у студентов практических навыков общения с детьми. С этой целью он создал при академии детский сад и школу, в которых работали студенты.

Все свои знания, накопленный за предыдущие годы педагогический опыт, свой энтузиазм вносит Блонский в организацию этой академии, которая становится его любимым детищем. Он сам читает лекции по педагогике и психологии студентам младших курсов, выезжает с ними на практику, вникает во все мелочи их повседневной жизни. Этот тесный контакт он считал необходимым для того, чтобы иметь возможность широкого влияния на формирование личности, ценностных ориентаций будущих педагогов, полагая недостаточным ограничиться только их профессиональным образованием.

Такое заинтересованное отношение к своим студентам и аспирантам было очень характерно для Блонского. Замкнутый по натуре, на первый взгляд он казался отгороженным от их личных проблем, так как поддерживал разговор преимущественно на деловые темы. Однако дистанция, которую он неизменно сохранял в общении с учениками, не мешала ему быть в курсе их жизни, помогать им в трудных ситуациях. Так, зная, что его аспирантка А.И. Липкина живет в сложных жилищных условиях, за городом, он при поддержке Н.К. Крупской помог ей получить комнату в Москве. Помогал он и другим своим аспирантам и сотрудникам — Любимову, М.А. Шнейдеру, М.Х. Швачкину.

К сожалению, состояние здоровья не позволило Блонскому реализовать все свои планы при формировании академии. Бытовые трудности, переутомление обострили старые болезни. В 1921 г. у него обнаруживают открытую форму туберкулеза и отправляют в санаторий. После выздоровления он не вернулся в академию, а начал работу в Государственном ученом совете (ГУС).

Эта организация была создана Крупской при непосредственном участии Ленина и была задумана как идейный центр Наркомпроса. Крупская же привлекла Блонского к работе в совете, предложив написать программы для школы 1-й ступени. Необходимо отметить, что знакомство с Крупской, работа с ней в течение многих лет

Научно-педагогическая секция ГУСа, 1929 г.
 Стоят — В.В. Симановская, О.А. Малиновская, М.М. Пистрак, Е.Т. Руднева, П.П. Блонский,
 С.Н. Луначарская, Н.М. Шульман, И.Т. Розанов???
 сидят — С.Т. Шацкий, М.С. Эпштейн, Н.К. Крупская, Катанская, А.И. Радченко, Е. Зомбе, Е.Т. Лифшиц

Н. Кел. Секция ГУСа, 1929г.

Стоят: В.В. Симановская, О.А. Малиновская, М.М. Пистрак, Е.Т. Руднева, П.П. Блонский, С.Н. Луначарская,
 Н.М. Шульман, И.Т. Розанов ? ? ?

Сидят: С.Т. Шацкий, М.С. Эпштейн, Н.К. Крупская, Катанская, А.И. Радченко, Е. Зомбе, Е.Т. Лифшиц

сыграли значительную роль в жизни Блонского. Она же познакомила его с трудами Ленина, который высоко оценил созданные Блонским программы реформирования школы. Помощь Крупской очень помогла Блонскому и при формировании педагогической академии, и при работе в ГУСе. Однако эта работа отнимала много времени и сил, отвлекая его от научных занятий. Поэтому с середины 20-х гг. он начинает постепенно отходить от организаторской деятельности, перенося центр внимания на решение проблем новой, формирующейся практической психологии и педологии. Отходу от

практической деятельности способствовало и изменение социальной ситуации, введение единообразия в школы, негативное отношение к многим из тех реформ, которые приветствовались в начале 20-х гг. Отходит от ГУСа и С.Т. Шацкий, который, так же как и Блонский, стремился к построению новой школы и с которым он плодотворно сотрудничал все годы работы в ГУСе.

В 30-е гг. Блонский возглавляет кабинет школьной педологии в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, а в последние годы жизни (он умер в 1941 г.) —

лабораторию мышления и памяти в Психологическом институте.

Большое внимание в этот период Блонский уделяет разработке методологических основ марксистской детской психологии, исходя из того, что задачей психологии и педологии является воспитание нового человека, гражданина коммунистического общества. Путь к этому Блонский видел в углубленном изучении личности каждого ребенка, в формировании таких методов изучения детей, которые дали бы объективную картину их психического развития, индивидуальных особенностей и позволили бы подобрать адекватные методы воспитания. Поэтому вместе с сотрудниками педологического кабинета М.И. Ионовой, В.П. Левиной, М.А. Шнейдером и другими Блонский разрабатывает новые методы комплексной диагностики детей, модернизируя и старые, зарубежные тесты, прежде всего тесты Бине.

Стремление изучить материальные основы развития психики привели Блонского к выбору в качестве источника развития такого объективного материального фактора, как биологический. Переоценивая возможность непосредственного биологического толкования скачкообразных переходов от сна к бодрствованию в младенчестве, Блонский все возрастные симптомокомплексы объяснял прежде всего ростом массы организма, говоря о том, что изменение психических свойств ребенка определяется его возрастом, наследственностью и условиями жизни. Отсюда и неприятие Блонским тезиса о возможности ускорения темпа развития, так как темп умственного развития, по его мнению, связан не с пластичностью нервной системы, а с темпом соматического развития, который не может быть ускорен.

Говоря о воспитании ребенка, Блонский настаивал на сохранении традиционных игр, сказок и методов обучения, которые помогают детям адекватно прожить определенный этап. Он считал, что ребенок живет современностью, но на определенных ступенях он ее апперцептирует в категориях примитивного мыш-

ления. Ребенок в своем развитии не должен автоматически повторять все этапы развития вида, и антиэволюционно заставлять его переживать все заблуждения человеческого интеллекта. Ребенок черпает то, что ему доступно, и теми средствами, которыми он владеет, писал Блонский, поэтому чем культурно богаче окружение ребенка, тем больше оно создает стимулов к овладению более сложными культурными средствами и позволяет ему шире использовать это окружение.

Предлагая генетический метод обучения, который, по его мнению, способствует формированию у детей адекватных представлений о предмете той или иной науки, а также развивает их интеллект, Блонский подчеркивал, что, не заставляя детей повторять все ошибки прошлого, такой метод дает им возможность понять логику формирования науки и обеспечивает естественность развития детского сознания.

Кроме проблемы биологического и социального, Блонский исследовал также этапы формирования личности детей, причем большое внимание уделял проблеме одаренности и трудновоспитуемости. Развитие личности он связывал с развитием конституции и темперамента ребенка, выделив несколько этапов в процессе личностного развития. Он исходил из того, что на каждом возрастном этапе существует типичный для всех детей темперамент, а потому определенные личностные качества — упрямство и негативизм 2—3-летних детей, неуверенность в себе, закрытость подростков — связывал с особенностями темперамента этого периода.

В то же время появление трудных, неуспевающих детей Блонский связывал прежде всего с влиянием среды, недостатками семейного воспитания. Он выделил несколько типов трудных, с точки зрения обучения, детей (очень развитые дети, дети-дезорганизаторы и ленивые дети), дав психологическую характеристику каждому из этих типов детей, в которой обращал внимание на характер и причину трудностей их обучения. Особенно волновала его

проблема обучения одаренных детей, так как он считал, что, попадая в средний класс, они задерживаются в своем развитии. Это не только отрицательно сказывается на их способностях, но и может превратить их в трудных детей, дезорганизаторов. В своих работах, посвященных исследованию природы одаренности, он выдвинул идею о том, что на одаренность влияет не только и не столько генетическая наследственность ребенка, сколько та среда, в которой живет он и жили его предки, уровень их культуры, образования, социальное положение. При этом он ввел понятия хроматин-наследственности и социал-наследственности, подчеркивая роль социальной наследственности в формировании «гениальных династий» в определенной профессии.

В последние годы Блонский тяжело болел, быстро уставал и задыхался, так как после вспышки туберкулеза ему отняли одно легкое. Опасаясь простуды, которая могла стимулировать новое развитие туберкулезного процесса, он пытался избегать сквозняков, холодных помещений, и его сотрудники старались создать ему максимально комфортные условия для работы. Так как в эти годы Блонскому уже было трудно подниматься на третий этаж, где размещались все лаборатории института, для его лаборатории было выделено помещение на втором этаже, рядом с помещением современного отдела кадров. Как правило, он приходил в институт каждую неделю, однако в последние два года появлялся там очень редко, ему было сложно преодолеть даже небольшое расстояние от дома до института (он жил неподалеку, в районе Тверских-Ямских улиц), и сотрудники лаборатории и аспиранты приходили к нему домой.

Однако Блонский не оставлял своей научной деятельности, и именно в эти годы он создал свои наиболее значимые психологические работы, посвященные развитию памяти и мышления. Одним из первых он открыл генетические этапы развития памяти и мышления, показав их взаимосвязь, влияние друг на друга,

а также проанализировав процесс появления и развития внутренней речи и ее связь с мышлением и подражанием. Он писал о том, что в дошкольном возрасте память влияет на мышление и определяет его ход. Для дошкольника думать и припоминать — процессы сходные. Более того, ребенок этого возраста обычно начинает размышлять лишь над тем, что он предварительно запомнил, именно поэтому его память определяет уровень мышления. Начиная с младшего школьного возраста взаимоотношения мышления и памяти изменяются, и теперь мышление влияет на запоминание — хорошо запоминается лишь то, что ребенок хорошо понял. Таким образом, мышление уже не зависит от памяти, а, наоборот, хороший уровень мышления может частично компенсировать недостатки механической памяти.

Анализируя процесс развития мышления и его связь с речью, Блонский пришел к выводу, что у мышления и речи генетические корни общие — практическая деятельность. Он полемизирует с Выготским, который считал, что мышление и речь имеют разные корни, оспаривая и его мнение о том, что внутренняя речь происходит от эгоцентрической и появляется только к концу дошкольного возраста. Блонский же утверждал, что и внешняя и внутренняя речь появляются одновременно в раннем возрасте и связаны сначала больше с памятью, а затем с мышлением. Он доказывал, что первоначально говорящий человек, скорее, репродуцировал действие, о котором хотел рассказать, а слушающий, скорее, видел, чем слышал подобную речь. Поэтому память играла большую роль не только в развитии мышления, но и в развитии речи — ведь это репродуцированное действие надо было запомнить, чтобы оно стало общеупотребительным словом. Для подтверждения значения памяти в развитии мышления и речи Блонский провел несколько экспериментов, в которых показывал роль памяти, которая способствует развитию мышления и речи. Эти эксперименты, с точки зрения Блонского, доказывали, что эгоцентрическая речь у

детей практически отсутствует и в любом случае не играет никакой роли при развитии внутренней речи.

Говоря о развитии внутренней речи, он подчеркивал, что она, как и внешняя, возникает из слушания других и внутреннего повторения речи других. Таким образом, Блонский выдвигал теорию подражания как основу возникновения внутренней речи и доказывал, что мышление, внешняя и внутренняя речь возникают одновременно, причем внешняя и внутренняя речь тесно связаны с общением.

Он всегда придавал огромное значение своей педагогической деятельности, читая лекции по психологии во 2-м МГУ (Педагогическом университете, ныне МПГУ) на Малой Пироговской улице. Лекции Блонского пользовались огромной популярностью у студентов, на них приходили слушатели с разных отделений, и даже большая аудитория Педагогического университета всегда была переполнена.

Блонский не отличался импозантной внешностью, был небольшого роста, гладко выбрит и выглядел рано состарившимся, усталым человеком. Одет был он очень скромно, почти всегда появляясь в одном и том же не очень новом костюме, но обязательно в белой косоворотке. Он никогда не носил рубашек и галстуков, на зиму заменяя косоворотку теплым свитером. Во всем его облике чувствовалась интеллигентность и доброта, что очень привлекало к нему студентов, несмотря на его строгость и некоторую отчужденность. Окружающие понимали, что он поглощен своей работой; слушатели редко подходили к нему на переменах, стараясь не отвлекать его, когда он прогуливался по коридору, погруженный в свои мысли.

Он был необычайно скромным человеком, стремился не привлекать к себе внимания, избегал юбилеев и почестей. Когда на большой перемене студенты и преподаватели шли в столовую обедать, он вместе со всеми вставал в очередь за пшенной кашей, которую обычно выдавали на обед, не соглашаясь взять свою порцию без очереди, хотя ребята и приглашали

его пройти вперед. Чтобы успокоить их, он говорил, что не теряет времени даром, так как, стоя за кашей, обдумывает план своей новой книги «Мышление и память». И это была не бравада, а естественный стиль поведения и поглощенность работой, которую невозможно было не уважать.

Интерес к его лекциям был связан и с тем, что, по справедливому мнению студентов, он был одним из самых образованных профессоров института. В своих лекциях он рассказывал не только о психологии ребенка, но и о философии, физиологии, искусстве. Он часто цитировал наизусть древних авторов, в том числе и своего любимого Платона, рассказывал студентам о современной зарубежной науке, о которой было не так уж много известно в то время (30-е гг.), упоминая труды Э. Кречмера, Ст. Холла, Гезелла и других. В это время он уже было очень большим человеком, поэтому читал не слишком громко, серьезно, не допуская шуток и отступлений от предмета, как это часто делали другие лекторы. Когда Блонский уставал, он бледнел, часто пил воду, тем более что в переполненной аудитории обычно было очень душно. Однако содержательность его лекций, уважение к слушателям, умение донести суть предмета, передать содержание даже самых серьезных понятий делали его одним из лучших ораторов университета.

Не могло не вызывать уважения и то, что в лекциях он никогда не упоминал имен своих оппонентов и не сводил с ними счеты, хотя лидеры социогенетического направления (Залкинд, Корнилов) не могли отказать себе в удовольствии покритиковать позицию Блонского как в печати, так и во время своих занятий со студентами.

Как педагог Блонский уделял большое внимание не только лекционным курсам в институте, но и практическим и семинарским занятиям, которые вели его ближайшие ученики — Любимов, Шнейдер и Левин. На этих занятиях они подробно разбирали со слушателями

основные положения лекций, а также обучали их работе с приборами, необходимыми для проведения психологических экспериментов. Значительное время отводилось и знакомству с современными тестами, многие из которых были разработаны или модифицированы самим Блонским или его сотрудниками по педологическому кабинету.

Несмотря на огромное уважение и популярность Блонского среди студентов и аспирантов, он не создал собственной школы, хотя у него и были последователи. Это, по-видимому, можно объяснить как временем, в котором он жил, так и его личными качествами. С конца 20-х гг. меняется социальная ситуация в стране, уходят с научной и политической сцены люди, с которыми он общался, работал, которые помогали ему в его деятельности, — Крупская, Бухарин, Шацкий, Луначарский. Усиливаются и нападки на биогенетическое направление в педологии, возглавляемое Блонским, а в 1936 г. эта наука директивно закрывается. Все это, безусловно, не способствовало расширению его контактов, созданию собственной школы.

Однако его личные качества сыграли в этом не меньшее значение. Он вел очень замкнутый образ жизни, почти не общаясь как с посторонними людьми или знакомыми, так и с коллегами по работе. Такой стиль жизни, вероятно, выработался не только из-за его замкнутости, углубленности в себя и в свою работу, но и вследствие его болезни. О личной жизни

Блонского известно очень мало, так как он не считал нужным посвящать в свои симпатии, пристрастия и стремления окружающих. С этой закрытостью связано и то, что контакты с сотрудниками были сугубо деловыми, а свою заботу о них и помощь им он старался не афишировать.

И сотрудники, и аспиранты приходили к нему в его маленькую двухкомнатную квартирку регулярно, почти каждую неделю. Он обсуждал с ними полученные результаты, внимательно вникая в их работу, направляя и организуя их научную деятельность. Однако это были беседы один на один, и сотрудники плохо знали, чем занимается каждый из них, так как непосредственных контактов у них было мало. Тем более никогда не происходило общих обсуждений проделанной работы, возникающих затруднений или открытий. Его сотрудники фактически никогда и не собирались вместе, не только у него дома, но и в лаборатории. При таком отсутствии живого, непосредственного общения, совместной творческой деятельности не формировалась и школа, которая продолжила бы дело учителя после его смерти.

Хотя, к сожалению, школа Блонского и не сложилась, его труды сыграли огромную роль в формировании отечественной психологии, одной из ярких страниц которой навсегда останется Павел Петрович Блонский.

*А.И. Липкина,
Т.Д. Марцинковская*